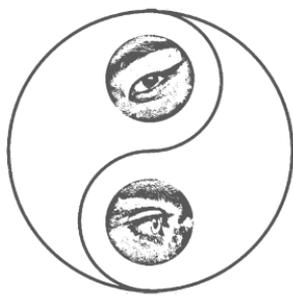

ВИКТОР ПЕЛЕВИН

**ВИКТОР
ПЕЛЕВИН**

**СВЯЩЕННАЯ КНИГА
ОБОРОТНЯ**

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П24

Художественное оформление серии
Алексея Дурасова

Пелевин, Виктор Олегович.
П24 Священная книга оборотня / Виктор Пелевин. — Москва : Эксмо, 2024. 384 с. — (Единственный и неповторимый. Виктор Пелевин).

ISBN 978-5-04-203743-6

Священная книга оборотня — история любви древней лисы-оборотня по имени А Хули и молодого волка-оборотня, генерал-лейтенанта ФСБ, об их непростых взаимоотношениях и о том, к чему они привели.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-203743-6

© В.О. Пелевин, 2004
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Комментарий эксперта

Настоящий текст, известный также под названием «А Хули», является неумелой литературной подделкой, изготовленной неизвестным автором в первой четверти XXI века. Большинство экспертов согласны, что интересна не сама эта рукопись, а тот метод, которым она была заброшена в мир. Текстовый файл, озаглавленный «А Хули», якобы находился на хард-диске портативного компьютера, обнаруженного при «драматических обстоятельствах» в одном из московских парков. О срежиссированности этой акции свидетельствует милицейский протокол, в котором описана находка. Он, как нам представляется, дает неплохое представление о виртуозных технологиях современного пиара.

Протокол подлинный, все печати и подписи на нем присутствуют, хотя неизвестно точное время его составления – верхняя часть заглавного листа с датой срезана при брошюровке и подшивке протокола в папку перед отправкой на хранение в конце календарного года, как требует служебная должностная инструкция. Из протокола следует, что интерес сотрудников милиции был вызван странными явлениями природы в Битцевском парке Южного административного округа города Москвы. Граждане наблюдали над деревьями голубоватое свечение, шаровые молнии и множество пятицветных радуг. Некоторые из радуг были шарообразными (по показаниям свидетелей происшествия, цвета в них как бы просвечивали друг сквозь друга).

Эпицентром аномалии был обширный пустырь на границе парка, где расположен трамплин для прыжков

на велосипеде. Рядом с трамплином обнаружены полу-расплавленная рама от велосипеда «Canyondale Jekyll 1000» и остатки колес. Трава в радиусе десяти метров вокруг трамплина выжжена, причем выгоревшее пятно имеет форму правильной пятиконечной звезды, за границами которой трава не пострадала. Рядом с велосипедной рамой найдены предметы женской одежды: джинсы, пара кроссовок, трусики типа «неделька» со словом «Воскресенье» и майка с вышитой на груди надписью «скиф».

Если судить по фотографиям из протокола, третья буква этого слова больше похожа на кириллическое «И», чем на латинское «U». Можно предположить, что перед нами не анаграмма «fisk», как утверждает в своей монографии М. Лейбман, а слово «скиф». Это подтверждает строка «да, азиаты мы» на спине футболки – несомненная аллюзия на стихотворение А. Блока «Скифы», которого М. Лейбман, судя по всему, не читал.

Среди предметов одежды находился рюкзак с портативным компьютером, о котором уже говорилось в протоколе. Все эти вещи не пострадали, и на них не обнаружено следов огня, что свидетельствует – они были выброшены на место происшествия уже после того, как на траве было выжжено звездообразное пятно. По факту данного события уголовного дела возбуждено не было.

Судьба находившегося (якобы) на хард-диске текста хорошо известна – сначала он имел хождение в кругах оккультных маргиналов, а затем был издан в качестве книги. Оригинальное название текста показалось непристойным даже нынешним барышникам от книготорговли, поэтому при издании он был переименован в «Священную Книгу Оборотня».

Этот текст не заслуживает, конечно, серьезного литературоведческого или критического анализа. Тем не менее отметим, что в нем просматривается настолько густая сеть заимствований, подражаний, перепевов и аллюзий (не говоря уже о дурном языке и редкостном инфантилизме автора), что вопроса о его аутентичности или подлинности перед серьезным специалистом по литературе не стоит, и интересен он исключительно как симптом глубокого духовного упадка, переживаемого нашим обществом. А псевдовосточная поп-метафизика, шапочным знакомством с которой автору не терпится похвалиться перед такими же унылыми неудачниками, способна вызвать у серьезных и состоявшихся в жизни людей разве что сострадательную улыбку. Хочется уверить москвичей и гостей столицы, что чистота и порядок в Битцевском парке поддерживаются на должном уровне и московская милиция днем и ночью охраняет покой и безопасность прогуливающихся. А самое главное, друзья, – чтобы в вашей жизни всегда нашлось место радостной песне!

Тенгиз Кокоев,

майор, начальник О/М «Битца-центр»

Майя Марачарская, Игорь Кошкодавленко,

кандидат филологических наук

Пелдис Шарм,

ведущий телепрограммы «Караоке о Главном»

Так не состоят ли мои неразрешимые проблемы единственно в том, что я про них думаю, и не создаю ли я их заново в тот момент, когда про них вспоминаю?

Самая смешная из моих проблем — мое имя. Она возникает у меня только в России. Но, поскольку я здесь живу, приходится признать, что это очень реальная проблема.

Меня зовут А Хули.

Раньше, при старой орфографии, была возможность хоть на письме уйти от nepотребства. Я записывала свое имя «А Хулі». На печати, которую мне подарил в тринадцатом году один петербургский меценат, знавший тайну, оно слито в два знака:

АХ

Это интересная история. Первая печатка, которую он для меня заказал, была вырезана на рубине, и все пять букв были совмещены в один символ:

Х

Он подарил мне этот рубин, когда мы катались на яхте в Финском заливе, и я бросила его в воду, как только рассмотрела. Он побледнел и спросил, отчего я его ненавижу. Не потому, конечно, что правда думал, будто я его ненавижу. Просто в ту эпоху в моде были театральные движения души, из-за чего, кстати, случились Первая мировая война и русская революция.

Я объяснила, что все буквы можно наложить друг на друга и разместить на небольшом камне, получится недорого, но тогда непонятно, какая из букв первая. Через день был готов второй вариант, на продол-

говатом опале — «с таинственным и сумасбродным «АХ», как изящно заметил меценат в стихотворении, приложенном к подарку.

Вот какие люди жили раньше в России. Впрочем, я подозреваю, что он не сам написал стихотворение, а заказал его поэту Кузмину, поскольку после революции ко мне несколько раз приходили наркоинтенные пидоры из чрезвычайки и искали какие-то брильянты. Потом мою квартиру на Итальянской улице уплотнили слесарями и прачками, а у меня самой отняли последнюю опору самоуважения, букву «і». Поэтому коммунистов я не любила с самого начала, еще с тех дней, когда им верили многие светлые умы.

Мое имя на самом деле очень красивое и не имеет никакого отношения к своему русскому смыслу. «А Хули» по-китайски означает «лиса А». По аналогии с русскими именами можно сказать, что «А» — это мое имя, «Хули» — фамилия. Что я могу сказать в свое оправдание? Меня так звали еще тогда, когда слов «а хули» вообще не было в русском языке, и самого русского языка тоже.

Кто мог подумать в те дни, что моя благородная фамилия станет когда-нибудь бранным словом? Имени, кстати, тоже достается, даром что одна буква. Идешь по улице, видишь очередь и вздрагиваешь: А? Х...й на. *Альфа-банк экспресс*. Впрочем, говорил же Людвиг Витгенштейн, что в мире есть только имена. Обижаться не на кого.

Мы, лисы, счастливые существа, поскольку у нас короткая память. Мы ясно помним только последние десять-двадцать лет, а все, что было раньше, спит в черной пустоте, о которой я уже говорила. Но оно не исчезает совсем. Прошлое для нас — как

темная кладовая, из которой мы можем при желании извлечь любое воспоминание, что достигается особого рода усилием воли, довольно мучительным. Это делает нас интересными собеседниками. Мы многое можем сказать почти по любому поводу; кроме того, мы знаем все главные мировые языки — было время выучить. Но мы не расчесываем болячку памяти без необходимости, и повседневный поток мыслей у нас практически такой же, как у людей. То же касается и нашей рабочей личности — она делает лису неотличимой от бесхвостой обезьяны.

Многие не понимают, как такое может быть. Попробую объяснить. В каждой культуре принято связывать особенности внешности с определенными чертами характера. Прекрасная принцесса добра и сострадательна; злобная колдунья уродлива, и на носу у нее огромная бородавка. Есть и более тонкие связи, которые не так просто сформулировать, — именно вокруг них строится искусство живописного портрета. Со временем эти связи меняются, поэтому красавицы одной эпохи часто вызывают у другой недоумение. Так вот, если сказать просто, личность лисы — это тот человеческий тип, с которым у среднего представителя текущей эпохи ассоциируется ее внешность.

Каждые лет пятьдесят или около того мы подбираем под свои неизменные черты новый симулякр души, который предъявляем людям. Поэтому с человеческой точки зрения внутреннее у нас в любой момент тождественно внешнему на сто процентов. Другое дело, что оно не тождественно настоящему, но кто ж это поймет? У большинства людей настоящего нет вообще, а есть только это внешнее и внутреннее,

две стороны одной монеты, которую, как человек искренне верит, где-то действительно положили на его счет.

Знаю, звучит странно, но все именно так: чтобы угодить современникам, мы подгоняем себе под личико новое «я», совсем как сшитое по другой моде платье. Прежние отправляются в чулан, и вскоре нам уже надо напрягаться, чтобы вспомнить, какими мы были раньше. А живем мы веселыми пустяками, забавными скоротечностями. Мне кажется, это своего рода эволюционный механизм, задачей которого было облегчить нам мимикрию и маскировку. Ведь лучшая мимикрия — когда становишься похож на других не только лицом, но и ходом мыслей. Впрочем, мимикрия это только для лис. Для человека это судьба.

На вид мне можно дать от четырнадцати до семнадцати — ближе к четырнадцати. Мой физический облик вызывает у людей, особенно мужчин, сильные и противоречивые чувства, которые скучно описывать, да и нет нужды — «Лолиту» в наше время читали даже лолиты. Эти чувства меня и кормят. Вероятно, можно сказать, что я кормлюсь мошенничеством: на самом деле я совсем не малолетка. Для удобства я определяю свой возраст в две тысячи лет — их я могу вспомнить более-менее связно. Это можно считать кокетством — на самом деле мне значительно больше. Истоки моей жизни теряются очень далеко, и припомнить их так же трудно, как осветить фонариком ночное небо. Мы, лисы, не рождались, подобно людям. Мы происходим от небесного камня и состоим в отдаленном родстве с самим Сунь-у-Куном, героем «Путешествия на Запад» (впрочем,

не стану утверждать, что все так и есть, — никаких личных воспоминаний об этой баснословной поре у меня не осталось). В те дни мы были другими. Я имею в виду, внутренне, а не внешне. Внешне мы с возрастом не меняемся — если не считать того, что каждые сто восемь лет у нас в хвосте появляется новый серебряный волосок.

Я не оставила в истории такого заметного следа, как другие представители моего рода. Тем не менее я упомянута в одном из памятников мировой литературы, и про меня можно прочесть даже по-русски. Для этого надо зайти в магазин «Академкнига», купить книгу Гань Бао «Записки о поисках духов» и найти в ней историю о том, как во времена Поздней Хань наместник Сихая искал сбежавшего начальника охраны. Наместнику сказали, что того увела нечисть, и на поиски пропавшего был послан военный отряд. Дальнейшее (я ношу с собой этот листок как талисман) я до сих пор не могу читать без волнения:

«...наместник с несколькими десятками пеших и конных, захватив охотничьих собак, стал рыскать за стенами города, выслеживая беглеца. И в самом деле Сяо был обнаружен в пустом могильном склепе. Оборотень же, услышав голоса людей и собак, скрылся. Люди, посланные Сянем, привели Сяо назад. Обликом он совершенно уподобился лисицам, человеческого в нем почти ничего не осталось. Мог только бормотать: «А-Цзы!» (А-Цзы — это кличка лисы.) Дней через десять он постепенно начал приходить в разум и тогда рассказал:

— Когда лисица пришла в первый раз, в дальнем углу дома между куриных насестов появилась женщина, красивая собой. Назвавшись А-Цзы, она стала манить меня

к себе. И так было не один раз, пока я, сам того не ожидая, последовал ее призыву. Тут же она стала моей женой, и в тот же вечер мы оказались в ее доме... Встречу с собаками не помню, но рад был как никогда.

– Это горная нечисть, – определил даос-гадатель.

В «Записках о прославленных гофах» говорится: «Лиса в глубокой древности была развратной женщиной, и имя ей было А-Цзы. Потом она превратилась в лисицу».

Вот почему оборотни этого рода по большей части называют себя А-Цзы».

Я помню этого человека. Его голова была похожа на желтое яйцо, а глаза казались двумя наклеенными на это яйцо бумажками. Он не совсем точно передал историю нашего романа, да и повествователь заблуждается, говоря, что меня звали А-Цзы. Начальник охраны называл меня «А», по имени, а «Цзы» получилось из звука, который он стал произвольно издавать, когда его жизненность пришла в упадок: во время разговора он с шумом всасывал воздух, словно стараясь притянуть на место отвисшую нижнюю челюсть. Кроме того, неправда, что я когда-то была развратной женщиной, а потом превратилась в лису – такого, насколько я знаю, вообще не бывает. Но все равно, перечитывать этот отрывок древнекитайской прозы для меня так же волнительно, как для старой актрисы – глядеть на самую раннюю из сохранившихся фотографий.

Почему меня зовут «А»? Один книжник-конфуцианец с склонностью к мальчикам, который знал, кто я такая, но все равно прибегал к моим услугам до самой своей смерти, придумал интересное объяснение. Мол, это самый короткий звук, который может

издать человек, когда ему перестают повиноваться мышцы горла. Действительно, некоторые люди, на которых я насылаю морок, успевают произнести нечто вроде сдавленного «А-а...». Этот конфуцианец даже написал мне дарственную каллиграфию – она начиналась со слов «А Хули ива над ночной рекой...».

Кому-то может показаться, что жить в России и называться А Хули – довольно грустная судьба. Примерно как жить в Америке и зваться Whatze Phuck. Да, имя окрашивает мою жизнь в угрюмые тона, и какой-нибудь из внутренних голосов всегда готов спросить – а х... ты ждала от жизни, А Хули? Но это, как я уже сказала, самая мелкая из моих забот, даже не забота, поскольку работаю я под псевдонимом, а скорее что-то юмористическое – правда, из области черного юмора.

Работать проституткой мне тоже не в тягость. Моя сменщица из «Балчуга» Дуня (известная там как Адюльтера) однажды так определила, чем проститутка отличается от приличной женщины: «Проститутка хочет иметь с мужчины сто долларов за то, что сделает ему приятно, а приличная женщина хочет иметь все его бабки за то, что высосет из него всю кровь». Я не до конца согласна с этим радикальным мнением, но зерно истины в нем есть: нравы в сегодняшней Москве такие, что, если перевести выражение «по любви» с гламурно-щучьего на юридический, получится «за сто тысяч долларов с геморроем». Стоит ли обращать внимание на мнение общества, в котором господствует подобная мораль?

У меня есть проблемы посерьезней. Например, совесть. Но об этом я буду думать в какой-нибудь другой пробке, а сейчас мы уже подъезжаем.

Цилиндр — это кастовый знак, указывающий на принадлежность к элите, как бы мы к ней ни относились. И если у входа в гостиницу тебя встречает человек в цилиндре и, низко кланяясь, распахивает перед тобой дверь, тем самым тебя поднимают на такую социальную высоту, что это накладывает серьезные финансовые обязательства перед людьми, которым не так повезло в жизни.

Что сразу отражается в меню. Сев за столик у бара, я углубилась в дринк-лист, пытаясь найти свою нишу среди сорокадолларовых виски и шестидесятидолларовых коньяков (это за сорок-то грамм!). Названия лонг-дринков складывались в остросюжетную повесть: Tekila Sunrise, Blue Lagoon, Sex on the Beach, Screwdriver, Bloody Mary, Malibu Sunset, Zombie¹. Готовая заявка на фильм.

Но я заказала коктейль под названием Rusty Nail² — не в честь надвигающейся встречи, как мог бы подумать человек с психоаналитическим складом ума, а из-за непонятого Drambuie, которое входило в его состав вместе со скотчем. В жизни каждый день надо узнавать что-то новое. Кроме того, меню было на двух языках, и по-русски этот коктейль назывался «Расти Наил». Трогательный такой Наил, растет себе где-то в Жмеринке, строит большие планы и не подозревает, что после эмиграции дорога ему одна — в ржавые гвозди... Еще одна заявка: история руссо-американца, уехавшего к огням великой

¹Текильный рассвет, Голубая лагуна, Секс на пляже, Отвертка, Кровавая Мэри, Закат в Малибу, Зомби.

²Ржавый гвоздь.

мечты, но попавшего в Prozak. И почему я не в кино-бизнесе?

В баре сидели две мои соратницы — Карина из бывших моделей и транссексуалка Нелли, которая перешла сюда из гостиницы «Москва» после ее закрытия. Несмотря на то что Нелли недавно стукнул полтинник, дела у нее шли очень даже ничего. Вот и сейчас она окучивала какого-то галантного скандинава, а Карина в одиночестве дотягивала уже не первую сигарету, это было видно по перемазанному помадой окуркам в пепельнице. Я до сих пор окончательно не поняла, почему так происходит, но происходило это постоянно — Нелли, уродина с комсомольским прошлым, делала больше бабок, чем молодые девочки с модельной внешностью. Причины могли быть разными:

1) западный человек, с молоком впитавший идеалы женского равноправия, не способен отвергнуть женщину из-за возраста или внешнего несовершенства, поскольку в первую очередь видит в ней человека;

2) удовлетворять половую потребность при помощи фотомодели означает для мыслящего западного человека пойти на поводу у идеологов потребительского общества, а это пошло;

3) западный человек ставит социальный инстинкт настолько выше биологического, что даже в таком интимном деле, как секс, заботится прежде всего о наименее конкурентоспособных участниках рыночных отношений;

4) западный человек полагает, что уродина обойдется дешевле и после часа позора останется больше денег на рассрочку по «Ягуару».

Как и велел бармен Серж, я даже не глядела в его сторону. У них в «Национале» все стучат на всех, поэтому вести себя надо осторожно. К тому же Серж в эту минуту был мне малоинтересен, меня больше занимал клиент.

В баре на эту должность было два кандидата: похожий на шоколадного зайца сикх в темно-синем тюрбане и мужчина средних лет в тройке и золотых очках. Оба сидели в одиночестве — очкастый пил кофе, разглядывая сквозь стеклянную крышу четырехугольник двора, а сикх читал *Financial Times*, покачивая носком лакированной туфли в такт пианисту, мастерски перегонявшему культурное наследие девятнадцатого века в звуковые обои. Играла прелюдия Шопена, «Капли дождя», та самая вещь, которую исполняет злодей в фильме «Moonraker» при появлении Бонда. Я обожала эту музыку. Ах, не зря Софья Андреевна Толстая, работавшая в последние годы жизни над опровержением «Крейцеровой сонаты», собиралась назвать свой труд «Прелюдии Шопена»...

Лучше бы тот в очках, подумала я. Он явно на «Ягуар» не копит, у него уже есть. Для таких все приключение в том, чтобы потратить деньги, они от этой трансакции возбуждаются больше, чем от всего остального, которого вообще может не быть, если напоить как следует. А вот сикх — серьезная нагрузка.

Я улыбнулась очкарику, и тот улыбнулся в ответ. Вот и славно, уже подумала я, и тут сикх сложил свою финансовую газету, встал и пошел к моему столу.

— Lisa? — спросил он.

Это был мой сегодняшний псевдоним.

— That's right, — радостно ответила я.

А что делать.

Он сел напротив и сразу принялся ругать местную кухню. Английский у него был очень хороший, не такой, как обычно бывает у выходцев из Индии, — настоящее оксфордское произношение, которое своей сухостью чуть напоминает русский акцент. Вместо «fucking» он, словно бойскаут, говорил «freaking», что звучало смешно, поскольку он вставлял это слово в каждое второе предложение. Возможно, браниться ему запрещала религия, был в сикхизме такой пункт. По профессии он оказался портфельный инвестор, и я еле удержалась от вопроса, где его портфель. Портфельные инвесторы не любят таких шуток. Я это знаю, поскольку каждый третий мой клиент в «Национале» — портфельный инвестор. Не то чтобы в «Национале» было так много портфельных инвесторов, просто я очень юно выгляжу, а каждый второй портфельный инвестор — педофил. Я их не люблю, скажу честно. Это профессиональное.

Он начал с крайне старомодных комплиментов — дескать, не верит в свою удачу, и я похожа на девушку его мечты из голубого детского сна, так он и сказал. И еще что-то в этом роде. Затем он захотел увидеть мой паспорт — убедиться в моем совершеннолетии. К таким просьбам я привыкла. Паспорт у меня был — заграничный и, естественно, фальшивый, на имя «Алиса Ли». Это я сама придумала — с одной стороны, распространенная корейская фамилия, подходит к моему азиатскому личику. А с другой — как бы намек: «Алиса ли?» Сикх пролистал его очень внимательно — видимо, боялся за свое доброе имя. По паспорту мне было девятнадцать.

— Хотите выпить? — спросил он.

— Я уже заказала, — ответила я. — Сейчас принесут. Скажите, а вы всем девушкам так говорите — про голубой детский сон?

— Нет, только вам. Я такого раньше не говорил ни одной девушке.

— Понятно. Я тогда вам тоже скажу одну вещь, которую до этого не говорила ни одному мужчине. Вы похожи на капитана Немо.

— Из «Восемьдесят тысяч лье под водой»?

Ого, подумала я, какой начитанный портфельный инвестор.

— Нет, из американского фильма «Общество выдающихся джентльменов». Там был похожий на вас выдающийся джентльмен. Бородатый подводный каратист в синем тюрбане.

— Что, фильм по Жюль Верну?

Мне принесли коктейль. Он оказался маленьким — всего шестьдесят грамм.

— Нет, в нем собрали вместе всех суперменов девятнадцатого века — капитана Немо, человека-невидимку, Дориана Грея и так далее.

— Да? Оригинально.

— Ничего оригинального. Экономика, основанная на посредничестве, порождает культуру, предпочитающую перепродавать созданные другими образы вместо того, чтобы создавать новые.

Я слышала эту фразу от одного левого французского кинокритика, который кинул меня на триста пятьдесят евро. Не то чтобы я была с ним полностью согласна, просто каждый раз, когда я повторяла эти слова в разговоре с клиентом, мне казалось, что кинокритик отработывает несколько условных единиц. Но для сикха это было слишком.